

**ОБ ОДНОМ ГРАММАТИЧЕСКОМ ГЕРМАНИЗМЕ В
СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ:
«ОНИКАНЬЕ» И «ОНКАНЬЕ» В ПОБУДИТЕЛЬНОМ
ВЫСКАЗЫВАНИИ**

В чешском языке, наряду с фамильярным обращением к собеседнику «на ты» (tykáni) и вежливым обращением «на вы» (vukání), существуют также устаревшие разговорное обращение «на они» (onikání) и разговорное фамильярно-покровительственное обращение «на он» (onkání). На последующих страницах будут рассмотрены примеры обращения к «ониканью» и «онканью» в побудительных высказываниях.

«Ониканье» обязано своим возникновением существовавшему когда-то чешско-немецкому двуязычию и представляет собой вежливое обращение к собеседнику формой, совпадающей с презентно-футуральной формой 3 лица мн. числа индикатива¹. Будучи очевидным германизмом, «ониканье» не приветствовалось пуристами, так что сфера его употребления всегда ограничивалась некодифицированной речью, ср. некоторые примеры из чешских классиков:

*Šourková se při tomto připomenutí trochu zakabonila: «A **jdou**, ani mi **nevzpomínají!** Starej se mi na svůj svátek natáh <...>». (Mácha K. H. Martin Zemla)*

‘Услышав это, Шоуркова нахмурилась: «Оставьте, даже и не говорите [букв. оставляют... не вспоминают] мне об этом! Мой-то на праздник нализался <...>»’.

*«**Vstávají**, pane redaktor, / **nelekají se**, / jdeme v noci, nejsme však zloději, / jenom komise». (Havlíček Borovský K. Tyrolské elegie)*

‘Вставайте, господин редактор, не бойтесь [букв. встают... не боятся], мы пришли ночью, но мы не воры, а всего лишь комиссия’.

*«No, tedy nám **povědí**, jak to bude a kdo všechno tam bude?» – vyzvědala paní Klepandová (Němcová B. Kávová společnost)*

‘Ну а теперь расскажите [букв. расскажут] нам, что это все будет и кто там будет», – допытывалась пани Клепандова’.

*«Tak si ji **jdou** koupit do Pražského*

‘Ну вот в газету и идите [букв.

¹ О том, идет ли при этом речь о побудительном высказывании или о высказывании с иной актуальной коммуникативной функцией, определяет контекст и ситуация.

deníku!» – odsekla baba a přidala několik jadrných hrubostí a nadávek. (Stroupežnický L. Pták z říše bájí)

идут] за покупками», – отсекла баба и добавила пару сочных ругательств».

«**Libějí** přece **vylézt**, pane domácí; vždyť je tam plno neřesti», – pobízel ho starostivý Würfel. (Čech S. Nový epochální výlet pana Broučka tentokrát do patnáctého století)

‘«Извольте [букв. изволят] же вылезать, господин домохозяин, ведь там полно грязищи», – звал его заботливый Вюрфель».

«Člověče, **hodějí se** do civilu!» (Olbracht I. Kariéra Eduarda Žáka)

‘«Дружище, переоденьтесь [букв. переоденутся] в штатское!»»

«Ale taky nikomu nic **neříkají** ... ani muk!» (John J. Holínky dědy Pejšáka)

‘«Но только никому не рассказывайте [букв. не рассказывают]... ни слова!»»

«Policejní ředitel, váš šéf, jest mým strýcem!» – A ukazuje na nešťastného pana Markupa, zvolal: «**Odvědou** ho!» (Hašek J. Perzekuce nové strany kruhy vládními)

‘«Директор полиции, ваш начальник, приходится мне дядей! – И провозгласил, показав на бедного господина Маркупа: – Арестуйте [букв. арестуют] его!»»

«Ale **řeknou** mně, kam moh jít, když neměl na těle ani kšandu?!» (Capek K. Zmizení herce Bendy)

‘«Но скажите [букв. скажут] мне, куда он мог идти, когда на нем даже подтяжек не было?!»»

Современные чешские авторы могут насыщать «ониканьем» речь персонажей тех своих произведений, действие которых происходит в прошлом – в XIX и первой половине XX в. (либо в абстрактном прошлом мира волшебной сказки). Так, Й. Марек использует «ониканье» в романе «Мой дядя Одиссей» и в сборнике «Паноптикум старых криминальных историй», Я. Копш – в «криминальной хронике старой Праги», авторы журнала «Дикобраз» – в миниатюрах «из жизни старых пражан», И. Брдечка и О. Липски – в фильме «Адела еще не ужинала» о пражских приключениях американского супердетектива Ника Картера, Я. Дрда – в литературных «Чешских сказках», ср., например:

[извозчик приезжему:] «**Tak si sednou a povědí** mi, já jich dovezu jako v peřince» (Marek J. Můj strýc Odysseus)

‘«Садитесь и скажите [букв. сядут и скажут] мне, и я вас [букв. их] довезу, как на перине»»

«*Pane Šmídmajer, oni mi tu zdržujou moje lidi, a já je potřebuju jinde! Už toho nechaj a jdem!..*» (Marek J. Panoptikum starých kriminálních příběhů)

«*Pamatujou si, paní Vejmelková, že jsem ještě nikdy nikomu nic špatného neřekla a neřeknu*» (Dikobraz)

«*Tak jdou, jdou, pane čerchmant, nic se neosteichají, vemou si se mnou krapítek májové houbovky!*» (Drda J. Započetý čert)

‘«Господин Шмидмайер, вы [букв. они] мне тут задерживаете [букв. задерживают] моих людей, которые мне нужны в другом месте. Прекращайте-ка [букв. прекращают] это и пошли!..»‘

‘«Помните [букв. помнят], пани Веймелкова, что я еще никогда никому ничего плохого не сказала и не скажу»‘

‘«Идите, идите [букв. идут], господин черт, не стесняйтесь [букв. не стесняются], поешьте [букв. поедят] со мной майской грибной похлебки!»‘

Мы встречаем «ониканье» в фильме «Все мои близкие» о трагической судьбе большой еврейской семьи во время гитлеровской оккупации Чехословакии (фильм снят в 1999 году!), ср.:

– *Tady je ta smlouva. Napišou tam kolik můžou dát a ať to můžeme zapít!*
– *Chcete tím říct, že tam můžu napsat jakoukoliv částku?*
– *Už jsem řekl. Napišou tam a podepišou.* (Všichni moji blízcí)

‘– Вот договор. Впишете [букв. впишут] туда, сколько вы можете [букв. могут] дать, и отметим это дело!’

– Вы хотите сказать, что я могу туда вписать любую сумму?’

– Я же сказал. Впишете [букв. впишут] и подпишете [букв. подпишут]’.

«Ониканье» может сопровождаться и лексическими германизмами (в том числе отсутствующими в литературном языке), причем эти германизмы могут быть даже графически не освоены (нем. *die Münze* – ‘1. монета. 2. монетный двор’ – *werk* – немецкий суффикс с собирательным значением, ср.:

«*Tak Karpíšek, kde mají ten svůj münzwerk? Nic nezapírají, všechno se ví do puntíku!*» (Kopř J. Pražské pitavalý)

‘«Так, Карпишек, где этот ваш [букв. они имеют этот свой] монетный двор? Не отнекивайтесь [букв. не отнекиваются], мы знаем все!»‘

В качестве явного германизма обращение «на они» может интерпретироваться как более официальное. Так, «оникает», обращаясь к уважаемому клиенту, трактирщик (*Čech S. Nový epochální výlet pana Broučka tentokrát do patnáctého století*), от смущения начинает «оникать» старый крестьянин, оказавшись перед английским королем (*Bass E. Klapzubova jedenáctka*). «Оникать» может безработный, обращаясь к фабриканту (кинофильм *Hej Rup*), или школьный сторож, говоря с пожилым учителем (кинофильм *Cesta do hlubin študákovy duše*). Поначалу «оникает» незнакомцу (но уже на второй день начинает «тыкать») бабка Плайзнерка из литературной сказки Яна Дрды «*Zaromenutý čert*».

Показательно, что «ониканье» может восприниматься как более официальное не только по отношению к «тыканью», но и по отношению к «выканью». Об этом могут свидетельствовать следующие два примера, в которых Говорящий «оникает», отдавая распоряжение непосредственному подчиненному, и «выкает», обращаясь к иному лицу, ср.:

Strážmistr, zřetelně pohnut pohledem na dobrodružnou Švejkovu tvář, dodal: «A nevzpomínejte [«выканье»] na mne ve zlém. Vezmou [«ониканье»] ho, pane závodčí, tady mají bericht». (Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka)

«*O vás [«выканье»] půjde bericht k soudu, – stručně řekl rytmistr. – Pane strážmistr, zavřou [«ониканье»] oba tuže, ráno je přivedou [«ониканье»] k úslechu a ten bericht z Putimě proštudujou [«ониканье»] a pošlou [«ониканье»] mně do bytu».* (Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘*Стражмистр, заметно тронутый добродушием, написанным на физиономии Швейка, добавил: «И не поминайте меня лихом. Ведите [букв. возьмут] его, господин разводящий, вот донесение»*’.

‘*Донесение о вас пойдет в суд, – коротко сказал ротмистр. – Господин стражмистр, посадить [букв. посадят] обоих, завтра утром привести [букв. приведут] на допрос, а это донесение из Путима изучить [букв. изучат] и послать [букв. пошлют] мне на квартиру»*’.

Еще более показателен в этом плане третий пример, в котором «ониканьем» сменяется «тыканье», когда один рядовой начинает проводить со своим товарищем воинские упражнения, ср.:

«*Ted' budeš dělat [«тыканье»] pohyby těla na místě. Rechts um! Člověče! Voni jsou [«ониканье»] kráva! Jejich [«ониканье»] rohy mají se octnout tam*

‘*«А сейчас будешь делать повороты на месте. Направо! Ну и корова же вы [букв. они]. Ваши [букв. их] рога*

«Онканье»², состоящее в использовании при обращении к собеседнику формы, совпадающей с претеритной или (реже) презентно-футуральной формой 3-го лица ед. числа индикатива, выражает снисходительно-покровительственное отношение к собеседнику. На первый взгляд может показаться, что речь идет о явлении, подобном русским примерам типа «Упал, отжался!» (ставшая крылатой реплика одного из персонажей телепередачи «Куклы»). Однако в русском языке речь идет отнюдь не о формах 3-го лица: если при эловой форме нет личного местоимения, лицо определяется из контекста (это может быть и 1-е, и 2-е, и 3-е лицо). В чешском же языке «голая» эловая форма однозначно свидетельствует о 3-м лице. Чешское «онканье» использует не только претеритные, но и презентно-футуральные формы, в русском же языке речь идет об исключительно претеритных формах. «Онканье», как видно из названия, ограничено 3-м лицом **единственного** числа, в русском же языке в случае с «авторитарным императивом»³ речь может идти и о формах **множественного** числа, ср.: «Подвинулись, колонны!» (телепередача «Городок»; «братки» распахивают стоящих у них на дороге).

В отличие от «ониканья», «онканье» не маркируется в сознании носителей языка как относящийся к ушедшей эпохе грамматический германизм⁴. Невысокая употребительность «онканья» может быть обусловлена, на наш взгляд, спецификой его семантики («онканье» более жестко, чем «тыканье» или «выканье», предполагает определенное соотношение социальных ролей говорящего и адресата), а также его некодифицированностью (последнее обстоятельство становится особенно важным в эпоху массовой коммуникации, когда резко усиливаются процессы, ведущие к унификации и стандартизации языкового пространства). Тем не менее мы можем обнаружить «онканье» в речи персонажей художественных произведений, при этом можно выделить два типа случаев:

² Или «онаканье», если собеседник женского пола.

³ Так это явление было названо в докладе В. И. Беликова на международном конгрессе «Русский язык: Исторические судьбы и современность» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001).

⁴ Дело не в том, **является** ли данное явление германизмом или нет (оно явным образом соотносится с принятым некогда в германоязычных странах этикетным способом обращения в 3-м лице единственного числа к лицу, стоящему существенно ниже на социальной лестнице, например, обращение дворянина – к слуге, офицера – к денщику и т. п.), а в том, **воспринимается** ли оно в качестве такового в глазах людей, имеющих определенное представление о **современном** немецком языке и не знающих особенно много о его истории, т. е. в глазах среднего чеха.

Во-первых, «онканье» может встречаться в текстах, созданных тогда, когда данное явление было еще достаточно употребительным, ср.:

[хозяйка – служанке:] «*Nemohla jít k jinému, ona hloupá? <...> No, teda šla k němu, řekla, že se nechám uctivě poroučet, aby měl ještě do prvního strpení, že se s ním spořádám*». (Němcová B. Kávová společnost)

‘«И ты не могла [букв. она не могла] пойдти к другому, глупая? [букв. она глупая] <...> Тогда иди [букв. она шла] к нему, скажи [букв. она сказала], что я кланяюсь и прошу подождать еще до первого числа, что я с ним рас-считаюсь»’.

[хозяин – служанке:] «*Zuzanko, voda je nejzdravější nápoj, zůstala vždy při vodě, bude zdráva a šťastna*». (Němcová B. Babička)

‘«Зузанка, вода – самый здоровый напиток, пей [букв. пила] только воду, будешь [букв. будет] здоровой и счастливой»’.

[проститутка – прохожему:] «*Hezoune, šel si zařilipínkovat*». (Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka)

‘«Красавчик, пошли [букв. он пошел] развлечемся»’.

«*Nic si z toho nedělal, – těší ho kyprá dáma, – až se ožení, pak dá matematice vale*». (Poláček K. Hostinec u kamenného stolu)

‘«Да не переживай [букв. не переживал] из-за этого, – утешает его пышная дама, – когда же-нишься, скажешь [букв. он же-нится... он скажет] математике “пока”»’.

Když se po vyzkoušení studentů vypsaných na jeden den vrátil nahoru do kanceláře, předal sešit paní sekretářce s pokynem: «Přepsala to do epické šíře!» (Bartůňek P. Smích z poslucháren)

‘Когда же, проэкзаменовав всех записанных на этот день студен-тов, он поднимался в канцелярию, то передавал тетрадку секре-тарше с указанием: «Перепиши-ка [букв. Она переписала] это в эпос!»’.

Во-вторых, к «онканью» обращаются и авторы современные⁵ – речь идет о средстве стилизации. Так, оформленную «онканьем» фразу мы можем обнаружить в фильме К. Стеклого о бравом солдате Швейке (в

⁵ В этой связи нам кажется весьма показательным то обстоятельство, что «ониканье» и «онканье», традиционно игнорируемые в научных грамматиках чешского языка, наконец-то нашли отражение в новом труде брненских авторов «Příruční mluvnice češtiny» ([Brno 1996: 595]).

тексте романа Я. Гашека, положенного в основу сюжета сценария, этой фразы нет!) или в историческом фильме «Пекарь императора», ср.:

[генеральская вдова – слуге:] ‘«Иоганн, сейчас же иди [букв. он должен сейчас же] в штаб-командо» (Dobrý voják Švejk) корпус»’.

[Рудольф II – придворному:] ‘«Ланг, иди-ка [букв. он пошел] сюда!»’
«Langu, **šel sem!**» (Císařův pekař a pekařův císař)

В качестве стилистического средства использует «онканье» (наряду с «ониканьем») И. Марек, ср.:

[барышня из ресторана – молодому герою:] ‘«**Kouknul**, chlapečku, **on je** slušnej mužskej, **šel se mnou, dáme si na pokoji ještě šampus na jejich účet**». (Marek J. Můj strýc Odysseus) ‘«Слушай [букв. он слушал], малыш, да ты [букв. он] парень хоть куда, иди [букв. шел] со мной, закажем еще шампанского в номер за их счет»’.

О том, что речь идет о живом, пусть и малоупотребительном языковом средстве, свидетельствует и использование «онканья» в современных художественных переводах на чешский язык, ср. следующий фрагмент, в котором вежливое «выканье» временно сменяется фамильярным «онканьем», когда возникает потребность утихомирить собеседника:

«**Nevzrušujte se** [«выканье»]. *Vím o té záležitosti víc, než si myslíte. A domnívám se, že vám můžu pomoci. Vím, kde ho hledat*».

Nahnul se přes bar.

«Kde?»

«**Pustil** tu košili, kámo, – řekl jsem potichu a ukázal mi obušek, – jinak se **ocit** jak dlouhej tak širokej na chodníku a poldům řekni, že se **mu udělalo šoufl**». [«онканье»]

Pustil mě.

«Promiňte. Ale řekněte mi, kde je. A taky mi řekněte, jak je možný, že

‘«Не волнуйтесь. Я знаю об этом больше, чем вы думаете. И я думаю, что могу вам помочь. Я знаю, где его искать».

Он наклонился через стойку.

«Где?»

«А ну-ка пусти рубашку, приятель, – шепнул я ему и показал дубинку, – а то будешь валяться на тротуаре, а ментам я скажу, что тебе стало плохо».

Он отпустил меня.

«Извините. Но скажите мне, где он. И скажите, как это возмож-

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

o tom tolik víte».

«*Všechno má svůj čas. Jak víte* [«выканье»], *existují kartotéky: v nemocnicích, v sirotčincích, v ordinacích...*» (Heinlein R. A.; překl. Hlavička J.).

но, что вы об этом столько знаете».

«*Всему свое время. Как вы знаете, существуют картотеки: в больницах, в приютах, в приемных...*»⁶

До сих пор «онкает», обращаясь к своим детям, потомок чешского аристократического рода Кинских, ср.:

A pak [otec] ještě dodal: «A dal na sebe pozor. Otec nám s bratrem totiž onká» (smích). (Интервью с Антонином Кинским в журнале Týden. 2000. 4 декабря)

‘А потом [отец] еще добавил: «И будь внимательным [букв. и был внимательным]. Отец нам с братом «онкает» (смех)».

Суммируя изложенное, следует констатировать, что «ониканье» и «онканье», уже долгое время являясь грамматическим архаизмом, проявляют удивительную стабильность, продолжая активно использоваться в произведениях художественной литературы и кинематографе в качестве яркого стилистического средства.